

Таким образом, позиция грамматического субъекта в предложениях с предикатным типом представления метеорологических явлений может заполняться нулем/квазиаргументом либо аргументом с пациентивной семантикой. По своим морфосинтаксическим характеристикам пациентивные компоненты напоминают аргументы при неаккузативных глаголах, участвующих в образовании деагентивных моделей (в которых деятель выводится за рамки предложения, но потенциально может быть восстановлен). Однако в случае с погодными глаголами видится невозможной соответствующая транзитивная трансформация, что объясняется спецификой самой экстралингвистической ситуации, ими обозначаемой. В английских схемах с метафорическим предикатом позицию подлежащего занимает Источник воздействия или эксплетив, при топиализации которого реальное смысловое подлежащее трансформируется в придаточное предложение с союзом *that*, в исландских – Источник воздействия обнаруживается внутри сложного предложения или другой сложной синтаксической структуры.

С. В. Кондракова

ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЕ СВОЙСТВА
СУБСТАНТИВИРОВАННЫХ ПРИЧАСТИЙ
(на материале немецкого языка)

Включение субстантивированных причастий с присущими им системно-парадигматическими свойствами в синтагматическую сферу осуществляется по их частеречному статусу, но при этом и в значительной степени на основе валентности лежащих в их основе глаголов. Начало своего включения в речевую реализацию эти девербативы получают именно на той стадии, когда активизируется унаследованный от глагола валентностный потенциал.

Специфическое проявление валентности девербативов и состоит в том, что, с одной стороны, в соответствии с частеречной принадлежностью к существительному, им присущи валентностные сопроводители в синтаксической функции определения; с другой стороны, в соответствии с исконной глагольностью самого словообразовательного типа, внутри общей атрибутивной позиции отражаются различные объектные и обстоятельственные отношения.

При контактной реализации некоторые лингвисты говорят о реляционной валентности, содержание которой составляет синтаксическое отношение в прямом окружении слова. О дистантной реализации валентности субстантивированных причастий возможно говорить только в связи с контекстом более широким, чем контекст высказывания.

Контекст имеет большую значимость для проявления валентности слова, и диктующим при этом в текстовой реализации является фактор коммуникативно-смысловой необходимости. Важно учитывать, что между отражаемыми

в тексте событиями должна быть преемственность, а в этом ракурсе не случайно, что и те части текста, которые находятся друг от друга на значительном расстоянии, оказываются связанными, если даже средства их связи не явно совпадают с традиционными. В тексте связи определяются текстообразующей категорией *когезии*, а она обеспечивает не просто формальное сцепление, но и логическую последовательность, темпоральную или пространственную взаимозависимость фактов, действий и т.п. Когезия создает тем самым и пресуппозицию, поскольку относит нечто по связи к тому, что было раньше.

В контекстуальном поведении субстантивированных причастий очень важно, чтобы в рамках когезии имело место однозначное соотнесение имени с его актантом. Это может происходить при непосредственной предупоминутости актантов, т.е. за счет пресуппозиции, например:

*Damals war ich es gewesen, der jemand anderen verletzt und versetzt und alleine gelassen hatte, eine andere, dritte Person. Und damals war es gewesen, dass ich überrascht sah, wie das **Verlorene** im Abschied noch einmal zu einem zurückkehrt.*

Субстантивированное причастие *das Verlorene* оказывается здесь номинализированным результатом действия, о котором сообщается в предыдущей информации (*ich habe jemand anderen verletzt, versetzt, alleine gelassen*).

Подобный случай употребления наблюдается и в следующем фрагменте:

*In Pisa habe am Vormittag ein Postbeamter im dritten Stock der Hauptpostamtes sein Gehalt abgeholt und sei anschließend mit dem Fahrstuhl ins Erdgeschoss gefahren. Durch einen technischen Defekt blieb der Lift im Parterre nicht stehen, fuhr in den Keller weiter, wo, nach einem Wolkenbruch, das Wasser drei Meter hoch stand. "Hilfe! Holt mich hoch!" hatte der **Eingeschlossene** gerufen.*

Субстантивированное причастие *der Eingeschlossene* воплощает семантику результата действия, описанного до этого (*Durch einen technischen Defekt blieb der Lift im Parterre nicht stehen*).

В обоих примерах фактически представлена дистантная реализация валентности, причем расстояние между носителем валентности и его актантами невелико. Но в принципе оно может быть гораздо большим, и в специальных исследованиях указывается на то, что объект действия может предупоминаться в более широком контексте, например:

Um uns herum explodierte alles, ich blutete, aber ich wusste nicht, wo ich getroffen worden war. Ich lag da im Dreck und wartete auf die nächste Kugel.

Затем через 18 строк сообщается:

*Er ging weiter, immer weiter, irgendwann erreichte er seine Einheit, sie schickten ihn zusammen mit anderen **Verletzten** und Toten zurück nach Amerika.*

Субстантивированное причастие создает линию корреляции с действием, имевшим место ранее и имплицитно соотносимым с глагольным сказуемым *wurde getroffen*, но уже через значительный текстовый интервал.

Обращают на себя внимание случаи, когда в самом контексте субстантивированные причастия не имеют валентностного «партнера» и он восста-

навливается лишь мысленно на фоне каких-то других ситуаций. Такая реализация особенно характерна для имен, имеющих обобщенно-абстрактное значение, например:

*Ebbe und Flut, Licht und Dunkelheit, Leben und Tod. Das sich **Wiederholende** ist das **Bleibende**. Das in sich **Kreisende** das Ewige. Kein Anfang, kein Ende und keine Vollendung.*

В данном фрагменте субстантивированные причастия среднего рода *das sich Wiederholende*, *das Bleibende* и *das in sich Kreisende* употребляются в своем контексте без прямой опоры на объекты, но предыдущий и последующий контексты уточняют их в смысловом плане, т.е. валентностные партнеры имплицированы в развертывании текста.

При субстантивации окказионального характера часто появляются имена целых событий или ситуаций, вбирающие в себя действие со всеми относящимися к нему восполнителями. В самом имени уже намечен характер актантов (аргументов), как в словах *der Beißende*, *der Bellende*. Для субстантивированных причастий это значит, что аргументы могут содержаться в их имплицитной семантике. Реализация имплицитных аргументов субстантивированных причастий может проявляться по-разному, например:

*Ich fuhr näher heran, und plötzlich ging etwas wie eine Wellenbewegung durch meinen Kopf, ein Impuls überschlug sich, eine plötzliche Aufwallung von etwas **Gewagtem, Unerlaubtem**.*

Здесь субстантивированные причастия имеют обобщенное, неопределенно-абстрактное значение, и реализация валентностных отношений происходит внутри них самих, а основой восприятия для реципиента должны служить его языковой опыт и фоновые знания.

Некий элемент смысла может присутствовать в контексте, будучи в нем имплицитным, а затем проявляться на базе этой имплицитности: например, с волнением и эмоциями обсуждается некое создавшееся положение, и хотя в тексте нет прямого обозначения понятия *wolnenie*, ситуация это подчеркивает. Появление субстантивированного причастия *der Taumelnde* легко осмысливается как имплицированное в предтексте:

*Der **Taumelnde** schrie: "Was ist das? Um Gottes willen! Was ist denn das?!"*

Имплицитная реализация субстантивированного причастия осуществляется и тогда, когда оно имеет обобщенное значение, которое можно отнести к целому классу предметов (лиц). Этот случай характерен для официально-деловых текстов, где имя деятеля часто представляет обобщенную разновидность имен деятеля – тип, категорию людей. Например:

*Die neue Regelung sieht vor, dass ein Abschalten lebenserhaltender Geräte nach Übereinkunft von mindestens zwei behandelnder Medizinern und der Zustimmung des **Betroffenen** vom Gesetzgeber toleriert wird.*

Такая же реализация осуществляется и в научных текстах:

*Für die Angewandte Diskursforschung besteht das gemeinsame Interesse folglich in der Rekonstruktion manifester Probleme der **Beteiligten** in den untersuchten beruflich-institutionellen Handlungsfeldern.*

Как в первом, так и во втором употреблении подразумевается категория (тип) людей, а не единичное лицо *der Betroffene, der Beteiligte*.

Все вышеизложенное подводит к некоторым обобщениям: во-первых, субстантивированные причастия, обладая свойством валентности, допускают ее реализацию не только контактно, но и дистантно-контекстуально; во-вторых, дистантная реализация валентности оказывается уже явлением текста, поскольку она «программируется» самим текстообразованием, причем актанты могут выступать на малом или на значительном расстоянии от носителя валентности (через несколько строк или даже несколько страниц текста; в-третьих, валентность имени способна реализоваться имплицитно, и это также обеспечивается только контекстом (более или менее широким).

Тот факт, что валентностные связи субстантивированных причастий способны простираются на значительные объемы текста, т.е. воплощаться дистантно, маркирует их особое положение на переходе от собственно синтагматики к текстообразованию, т.е. к непосредственному участию в связывании текста, иначе говоря, выстраиванию его когезии.

Л. Г. Крот

ОСОБЕННОСТИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ТОПОНИМИЧЕСКИХ НОМИНАЦИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Лингвокультурологический подход, исследующий взаимосвязь языка и культуры, является одним из актуальных направлений в лингвистике и соответствует современным тенденциям развития научного познания.

Тесное взаимодействие языка и культуры в культурно-национальном самосознании и его языковой презентации, взаимовлияния и взаимосвязи данных явлений находятся в центре внимания лингвокультурологии. С этой точки зрения язык как специфическое и уникальное явление представляется нам системой концептов, отражающих представление о мире, совокупность которых составляет языковую картину мира. Имена собственные как средства выражения являются ценным источником культуры народа, его менталитета, сохраняя культурно-историческую информацию, которая содержится в ономастике.

Жизнь человека тесно связана с различными местами, которые обозначаются с помощью особых слов – географических названий, или *топонимов* (от греч. слова *topos* ‘место’ и *онота/онута* ‘имя, название’).

Изучением географических названий, выявлением их своеобразия, историей возникновения и анализом изначального значения слов, от которых они образованы, занимается топонимика – одна из отраслей языкознания или лингвистики.